

ДМИТРИЙ МАСЛОВ

СТАРЫЙ ДОМ

ИЛИ

ПРЯМО ИЗ ПАМЯТИ

В 1973 году, когда мне было четыре года, отец поменял нашу квартиру в Успенске на полдома в Истомкино. Я хорошо помню один из первых вечеров в доме, который станет нашим на долгие десять лет. Высокие потолки, в углу одной из трех комнат облицованная белым кафелем на всю высоту печь, высокие окна, выходящие в яблоневый сад. Звучит музыка, кажется, играла пластинка Джо Дассена. Родители в одной из комнат среди не разобранных коробок и упакованной мебели пьют чай, усевшись на покрытый целлофаном новенький диван. Я хожу по узким коридорам, образованным плотно уставленной новой и старой нашей мебелью, как в пещере Аладдина среди свертков, люстр, тюков с посудой и вешалок с одеждой. Дом стоял особняком, большой, хотя и одноэтажный. Перед домом до самой трамвайной остановки простирался громадный, поросший бурьяном пустырь. Слева от нашего дома через грунтовую дорогу, которая вела на стадион и к школе, стоял такой же основательный старой постройки дом, в котором жил старый городской врач Давыд Давыдович Прждецкий с супругой. С других сторон в то время располагались деревянные бараки и домишки, в которых жили преимущественно работники истомкинской фабрики. Со стороны стадиона и третьей школы к дому почти вплотную подходила рукотворная березовая роща, которую сажали в послевоенное время ученики школы. Уже через несколько лет дощатые бараки в Истомкино стали ломать и на их месте появились стройплощадки по возведению панельных пятиэтажек.

Мы, детвора, часто играли на стройке, таскали вар, карбид. Вар мы плавил и отливали в земляных формах солдатиков, а карбид поливали водой и наблюдали за шипением и бурлением. Карбид таскали в карманах курток или брюк. Однажды кто-то пошутил и плеснул водой на карман брюк моего товарища. Карбид зашипел, началась химическая реакция, итогом которой стал страшный ожог ноги. Мальчик этот впоследствии перенес пересадку кожи и почти год провалялся в больнице. Вообще страшных, опасных «забав» было много. На стройке кидались щебенкой, как снежками и частенько кто-то из ребят ходил с пробитой головой. Прыгали с уложенных друг на друга плит и панелей, прятались среди наваленных гор кирпича. Прыгали на спор, кто дальше. Один раз я не допрыгнул и сиганул спиной вниз, наверное, с двух метровой высоты. Меня спасло только то, что дело было зимой, и спину мою согревала толстая телогрейка. Интересно мы тогда одевались. В осеннее-зимнее время я гулял на улице в черной стеганной телогрейке поверх вязанного свитера, на голове шапка-ушанка, на ногах валенки или войлочные ботинки, которые назывались «прощай молодость». Байковые треники дополняли гардероб. Телогрейку отец мне приносил на каждую зиму новую с работы.

Отец работал на стройке сначала прорабом, потом начальником участка и главным инженером. На обед его всегда привозил водитель на самосвале. Я часто бывал у отца на стройплощадке и, возможно, поэтому не боялся строительной техники, грубых слов, которые часто сотрясали стены прорабской и вообще чувствовал себя на стройке, как дома. У меня были хорошие, приятельские отношения со многими рабочими, многих я знал по имени.

Потом, после переезда в квартиру в 1983 году мы всегда вспоминая наш дом, называли его «старым домом». «Старый дом» стал для нас своеобразным эталоном идеального семейного дома. Дом был разделен пополам. В одной половине жили мы, а в другой с отдельным входом и своим садом жили наши соседи. В нашей половине дома были две терраски, зимняя и летняя. Три большие комнаты, каждая по 36 метров квадратных, были распределены таким образом: одна комната гостиная, где мы кушали и где собирались перед телевизором, вторая комната – музыкальная. Именно с тех пор, где бы мы ни жили, мы всегда устраивали музыкальную комнату. Кроме музыкального инструмента – пианино, на котором я занимался, и стереофонической аппаратуры, в комнате в углу стояла огромная голландская печь. И еще в музыкальной комнате спали родители. А третья комната была полностью моей. В ней я спал, играл и делал уроки. Еще в нашей части дома была совсем маленькая кухня и ванная комната, где помещался отопительный котел. Облицованная белой плиткой голландская печь в музыкальной комнате на многие детские годы стала для меня защитником от всяческих бед и напастей. Я почему-то решил, что печь живая и в те часы, когда я оставался дома один, я смотрел на печь в ее глазавьюжки, и просил защитить меня от всевозможных злых людей или неприятностей. Не только печь, но и весь дом был для меня совершенно определенно живым организмом. Дом был наполнен звуками, скрипами, каким-то шепотом и дуновением. Часто казалось, что на чердаке кто-то ходит, что в подполе что-то шевелится. Удивительно, но все эти звуки и шорохи не пугали, а напротив, умиротворяли нас жильцов.

У нас был и собственный участок, относящийся к дому. На участке было множество самых разных деревьев и кустарников: яблони нескольких сортов, черная и красная рябина, вишня, черемуха, сирень. Также прямо на нашем участке росли две высоченные сосны. Конечно, как и во многих других садах росла беспризорная малина. А главное на участке был сарай, разделенный на две части. В одной части был погреб, которым мы никогда не пользовались. В другой части было просторное помещение, где я устроил себе штаб для разных мальчишеских игр. Во время моего увлечения книгой Мариэты Шагинян «Месс Менд», я устроил в штабе антресольный этаж и двойные стены, чтобы можно было прятаться. Вообще большую часть своего свободного времени я проводил в своем дворе. Друзья любили приходить ко

мне, наверное, потому, что у нас и дома и во дворе было много места и наши игры никому не мешали. Зимой мы с отцом заливали каток, и можно было гонять в хоккей хоть до ночи. Даже вешали лампочку, так как зимой темнеет рано. А летом ставили теннисный стол, качели и вешали гамак. Мои родители не слишком нас донимали присмотром и многое, что не разрешали другим детям мне разрешалось. Например, мы рыли на нашем дворе землянки, в подполе под терраской устраивали очередной штаб, жгли костры на заднем дворе, поедали неспелые яблоки в большом количестве, хозяйничали на кухне, готовили блины и жарили картошку.

В то время, а это был конец 70-х годов, начало 80-х я дружил с двумя Вовками: Вовкой Чудаковым и Вовкой Меркуловым. Они были совершенно разные по характеру мальчишки. Чудаков был резкий, несдержанный, несколько грубоватый, но вместе с тем открытый и благородный парень из простой советской семьи. Его мама работала продавщицей в магазине, а отец был шофером. Вовкин отец подолгу отсутствовал дома, так как частенько попадал в тюрьму по разным поводам. Несмотря на это, Вовка обожал отца и слушался его беспрекословно. Даже в разгар самой интересной нашей детской игры, узнав, что вернулся после очередной отсидки отец, Вовка бросал все и стремглав бежал домой. А Вовка Меркулов был из интеллигентной семьи, где родители работали на хороших инженерных должностях, в доме читали книги, а лето проводили на море, о котором Вовка Чудаков и слыхом не слыхивал. Меркулов был сдержан, обидчив, частенько присматривался к нашим играм несколько со стороны, как бы с усмешкой. Странно, что мы так втроем сдружились. Видимо мы, как-то дополняли друг друга, да и я старался соединить несоединимое в характерах обоих моих друзей, сгладить углы и уменьшить трения. Интересно, что впоследствии, особенно после того, как Вовка Чудаков ушел из школы после 8 класса, я стал дружить исключительно с Вовкой Меркуловым вплоть до нашего с ним разрыва в 1996 году. Сейчас проигрывая в себе все эти прошлые события, я думаю, что моя дружба с такими разными по характеру и поведению Вовками не была случайной, а скорее всего, отражала мой сложный и противоречивый характер. С Вовкой Чудаковым я хулиганил, ходил купаться на дальние озерки, нырял с прибрежных ив не раздумывая вниз головой в черную воду. С Чудаковым мы лазили по чужим огородам за картошкой, чтобы потом влезть на стойку ЛЭП и есть ее сырую. С ним мы убегали из школьного летнего лагеря и уводили с собой ватагу сорванцов. С ним мы ходили без спросу в лес за грибами и плутали там, не зная выхода из болота. С Вовкой переходили из секции в секцию, увлекаясь, то дзюдо, то боксом. С Вовкой я чувствовал себя свободным и смелым всегда и во всем. Я знал, что Вовка всегда придет на помощь, как настоящий друг. Моя дружба с Володей Меркуловым была совсем другой, и сблизился я с ним несколько позже, после того, как увлекся музыкой и чтением. С Меркуловым мы

обычно сидели у меня дома и слушали вместе музыку и болтали на разные темы.

Музыкой я увлекся благодаря своему отцу. Отец интересовался музыкой по-настоящему. Сколько я себя помню, в нашем доме всегда звучала музыка, причем разная и современная и классическая. Отец покупал только самую лучшую по тем временам и нашим возможностям аппаратуру. Постепенно у нас в музыкальной комнате появился полный комплект: усилитель высшего класса «Бриг-001», катушечный магнитофон «Маяк -003», вертушка «Корвет» с большим шарообразным балансиrom, большущие колонки «Радиотехника». Чтобы поощрить мое начинавшееся увлечение музыкой отец купил специально для меня кассетный магнитофон «Вега», на котором я переписывал для себя на кассеты понравившиеся композиции. Таким образом, уже лет в 10 я хорошо знал многих и отечественных и западных исполнителей и группы. Володя Меркулов разделял мое увлечение, и мы часами что-то переписывали, оформляли обложки кассет, и главное слушали музыку. Я помню, что самыми любимыми нашими исполнителями были группы «Queen», «Supermax», «BeeGees» и многие другие. А из наших советских исполнителей я слушал Юрия Антонова и знал многие его песни наизусть. Как раз примерно в эти годы появилось несколько замечательных бардов: авторов, поющих под собственный аккомпанемент на акустической гитаре. Мне очень нравился Александр Дольский. И, конечно, мы с удовольствием слушали и Высоцкого и Окуджаву. Когда я уже учился в старших классах средней школы №3, слушание музыки стало для меня привлекательно еще и своей некоторой «богемностью», что ли. Я старался создать соответствующую данной музыкальной композиции окружающую обстановку. Приглушенный свет, нужная в данный момент громкость звука, обязательно или крепкий чай или дефицитный кофе с лимоном. Для меня стало важно не только прослушивание, но и обсуждение услышанного. И вот здесь Володя Меркулов был тем человеком, который мне и был нужен. Часто к нам присоединялся мой отец, без которого мы и не мыслили наши посиделки. Кроме того Меркулов, как и я много читал и у нас всегда были темы для разговора.

Возвращаясь к разговору про наш старый дом, надо сказать, что наши двери всегда были открыты. Друзья тянулись ко мне, потому что в нашем доме было столько всего интересного: и музыка, которую в то время не везде услышишь, и книги, и картины и главное отношение моих родителей к нам детям, как к взрослым. В доме часто было полно людей и родственников и друзей. Родители устраивали и что-то вроде «вечеринок», как сейчас говорят. Одно из ярких детских воспоминаний, это группа танцующих мужчин и женщин в гостиной нашего дома. Отличительной чертой того времени, а это были я повторю 70-е, начало 80-х годов, было ощущение безопасности, поэтому двери в дом буквально не закрывались. У родителей тогда были

интересные друзья: Кузов, которого я и другие звали всегда по фамилии, толстяк Даманов, с живота которого я так любил скатываться как с горки и конечно, моя крестная тетя Нина, которая олицетворяла собой все сногшибательное, недостижимое, заграничное. Тетя Нина работала в Останкино, одевалась по последней моде и курила длиннющие сигареты «Dunhill», которые можно было купить тогда только за границей. Она дружила с известным комментатором Игорем Фесуненко и общалась с Луисом Корваланом. Иногда к нам домой заходил наш сосед Давыд Давыдович. Он был крупный, большого роста, с совершенно лысой головой. Давыд Давыдович носил старомодные очки с толстыми линзами и от этого его глаза казались огромными и устрашающими. Маленьким я его побаивался. Но все изменилось и, мой страх улетучился однажды, когда в один из осенних дней, когда я оставался дома один и чем-то занимался на терраске, я увидел Давыд Давыдыча, входящего в нашу калитку с двумя ведрами полными антоновки. Давыд Давыдович поднялся на терраску и увидев меня воскликнул: Здорово мать (надо сказать, что это обращение «мать» было характерным для старого врача). Держи яблоки. Они очень полезные. Спасибо - только и успел сказать я, когда сосед поставил ведра и удалился. С тех пор я стал присматриваться к Давыд Давыдовичу и понял, что человек он не страшный, а напротив очень даже хороший. Мои родители всегда хорошо отзывались и о Давыд Давыдовиче и о его супруге Ираиде Васильевне. Частенько мы бывали у них дома, и тогда за чаем Давыд Давыдович рассказывал о своей врачебной практике, которая началась аж в 1918 году. Рассказывал и о том, как он возглавлял военный госпиталь и о том, как один раненый солдат, художник нарисовал в подарок главврачу картину прямо на простыне.

Как я уже говорил, в конце 70-х годов в нашем микрорайоне Истомкино еще было много бараков. Кстати Вовка Чудаков жил в одном из таких бараков. Потом все эти бараки снесли и построили пятиэтажки. Как раз в такой вот новенькой панельной пятиэтажке и поселилась семья Вовки Меркулова и началась наша с ним дружба. А пока бараки стояли на месте. В это время я ходил в детский сад №19, расположенный рядом с речкой Клязьма на противоположной от моего дома стороне улицы им. III Интернационала. Эта улица прямо переходила в Горьковское шоссе. С нашей стороны улицы была трамвайная и автобусная остановка, летний пивной ларек и мрачное здание поликлиники из почерневших от времени бревен. По одной линии с поликлиникой шли деревянные ведомственные дома на двести, а то и четыре семьи. В одном из таких домов жил еще один мой приятель мальчик-эстонец Арнольд Трейбакс. Его отец был военным, так он и попал в наш город. А за этими домами расположились в несколько линий длинные деревянные бараки. Между бараками образовались пустыри, тупики. Мы, местные мальчишки старались без острой необходимости на эти пустыри между бараками не заходить, хотя чувствовали себя в этих местах, как дома.

Многие мои товарищи по играм жили в бараках, и я бывал у них в комнатках, видел, в каких некомфортных условиях ютились здесь семьи. В бараках было много праздношатающихся и пьяниц, случались драки и перебранки. В одном из барачков жил горбун, которого я очень боялся и, завидев его, старался обойти его как можно дальше. Горбун этот был действительно страшным. Он громко ругался матом, завидев мальчишек, ожидая насмешек и оскорблений. Некоторые мальчишки специально задирали горбуна, но я в этом не участвовал.

Так вот я ходил в детский сад через дорогу. На этой стороне дороге тоже были бараки, но каменные, добротные, хотя жить в них тоже, наверное, было не сладко. Вовка Чудаков и жил в таком каменном доме. Вдоль дороги стоял большой двухэтажный магазин. В первом кирпичном этаже был продуктовый магазин, куда ходили за продуктами со всего Истомкино. На втором деревянном этаже была галантерейная лавка. Рядом с магазином находилась керосиновая лавка. Таких лавок в то время в городе было много. Лавка была справа от магазина, а слева был пивной бар. Я помню однажды зашел туда зачем-то. Прямо от уличной двери вверх в бар вела скрипучая грязная деревянная лестница. Когда я поднялся и отворил дверь в помещение бара, в нос тут же ударила застоявшаяся пивная вонь. В дымном полумраке я увидел несколько больших перевернутых бочек, у которых пошатывались мужики, то поднимая, то опуская огромные, как мне тогда казалось стеклянные кружки с мутной желтоватой жидкостью. Еще на этой стороне улицы в летнее время стояла квасная бочка и по выходным у бочки всегда выстраивалась очередь. Стояли и взрослые и дети с трехлитровыми банками «за квасом». Рядом с бочкой летом открывался небольшой рынок. Я помню усатого грузина, который всегда торговал гранатами на этом рынке. Еще был киоск «Союзпечать», где я покупал марки, когда увлекся филателией. Интересно, что ранним субботним утром у киоска можно было встретить многих местных мужчин. Они ждали открытия, чтобы купить свежие газеты. А пока ждали, обсуждали «политику», например, «события на Ближнем Востоке».

Я ходил в детский сад через дорогу не только потому, что был местным, но и потому, что в садике работала воспитательницей моя мама. И ей было не так-то легко меня пристроить в «свой» сад, так как мест в саду всегда не хватало. Поначалу мне было не весело из-за новой обстановки и новых незнакомых ребят. Но через некоторое время, в садике у меня появились друзья – Вовка Чудаков, с которым я и сдружился именно с этого детсадовского времени, Максим Фролов, с которым я дружу до сих пор, Саша Адеев и Аня Сидоренко и др. А еще в детском саду я познакомился с милой девочкой Таней Леонтьевой. Нам было, наверное, по 6 лет, мы ходили за ручку и много болтали даже в тихий час, когда наши раскладушки стояли рядом. Однажды воспитательница Вера Ивановна заметила нашу болтовню и

уж не знаю, почему и какими такими инструкциями она руководствовалась, но посчитала самым лучшим положить меня и Таню в одну раскладушку, чтобы «наболтались». Результат был предсказуемым: я первый раз в жизни влюбился. Мы лежали, прижавшись, друг к дружке, на тесной раскладушке, обнявшись, и уже не болтали. Через несколько дней после этого события, я собрал дома всех своих друзей и объявил ошарашенным родителям, что «мы с Таней собираемся пожениться». При этом я держал свою «невесту» за руку, а она преданно смотрела на меня. Друзья, наверное, обзавидовывались, а родители захлопали в ладоши и оставили нас одних. С того самого времени мы с Таней были не разлучные. Вместе гуляли, вместе играли то у меня дома, то у нее дома. Незаметно пролетел год, мы стали чуть-чуть старше и пошли в первый класс средней школы. Я пошел в школу №3 в Истомкино, а Таня в школу №16 в Доможирово. Несмотря на то, что учились в разных школах, мы продолжали дружить и проводить много времени вместе. Надо сказать, что Таня с мамой жила в коммуналке в двухэтажном доме в соседнем районе Доможирово. Я часто бывал у них и поэтому меня знали соседи и принимали за своего. Никаких шуточек в наш адрес взрослые не допускали, а вот местная детвора завидев меня вместе с Таней начинали горланить: жених и невеста, тили тили тесто. Меня это не сильно беспокоило, наоборот даже как-то вдохновляло, до поры до времени. Но вот однажды, когда я в очередной раз бежал по лестнице к Таниной комнате я встретил соседку, которая мыла пол в коридоре. Я поздоровался, а тетка, выжимая грязную тряпку, с ухмылкой оглядев меня, пропела: А женишок пришел. Я словно остоленел, так меня оскорбила эта ухмылка. Не знаю, что во мне перевернулось, но я бросился обратно вниз по лестнице, потом от Таниного дома, из Доможирово, мимо прохожих, едва сдерживая слезы. Так и закончилась моя любовь. Больше Таню Леонтьеву я никогда не видел. Не знаю, как бы все между нами сложилось, если бы не ухмылка той тетки с тряпкой. Но видимо, так уж суждено.

Совсем иного характера была моя дружба с другой девочкой Аней Сидоренко. Анька была, как мальчишка, играла в наши пацанские игры, в войнушку, в индейцев. Помню, летом между вторым и третьим классом, мы увлеклись игрой в индейцев. Как раз в это время в прокат выходили один за другим красочные фильмы про индейцев с участием Дина Риды и Гойко Митича. Мы смотрели все эти фильмы по многу раз. Сначала фильм показывали в Ногинске в кинотеатре «Рассвет», потом фильм показывали друг за другом в многочисленных клубах и домах культуры. И везде мы старались попасть на сеанс. В «Рассвет», в «Юность» (теперь храм Тихвинской иконы Божьей матери), в клуб «МОГЭС», в Истомкинский клуб. Родители пришили к нашим старым брюкам бахрому, мой папа попросил плотника на работе изготовить для нас деревянные ружья и томагавки. Мы были экипированы, как заправские «Апачи». Игры в индейцев продлились не

долго, вскоре у Ани умерла бабушка, с которой она жила в Могэсе у самого городского парка, и она уехала к родителям в Москву. Наше индейское племя распалось, лишившись главного вожака. Анька Сидоренко тоже пропала из моей жизни, оставшись лишь в памяти о детстве.

В нашем старом доме по улице II-й Истомкинский проезд в Новый год мы ставили живую елку до потолка. Отец привозил елку за несколько дней до Нового года и я возвращаясь из школы, входя в калитку принимался: привез ли папа елку. Елку ставили всегда вдвоем с отцом в ведро с водой, чтобы дольше стояла, и привязывали веревками к гвоздям, вбитым в стену. Елка была большая, почти трехметровая и надо было ее хорошенько укрепить. Наряжали елку вместе с мамой, которая подавала нам игрушки и говорила, куда какую следует повесить для красоты. Под елкой образовывалось большое пространство, и я любил там прятаться. Помню, как же я любил этот зимний праздник Новый год. К празднику отец привозил из Москвы разные экзотические и дефицитные продукты – мандарины, черную и красную икру, осетрину, горбушу, шоколадные конфеты и коробки с печеньем. Праздновали Новый год, как и все советские семьи: собирались перед телевизором, поднимали бокалы с «Советским шампанским» ровно в 12-00, желали друг другу счастья. Часто на Новый год к нам приходили гости, родные и близкие люди. Помню, как ждали концертную новогоднюю программу «Голубой огонек» и появления звезд советской и зарубежной эстрады. Маме нравился Карел Гот и Анна Герман, а нам с отцом больше всего нравились Бони М и АББА, которых, конечно, не показывали в нашем «Голубом огоньке», а совсем поздно, под утро в программе «Звезды зарубежной эстрады». Среди советских звезд блистали Лев Лещенко, Юрий Антонов, Алла Пугачева, ВИА «Песняры».

В то время в Истомкино на местную детвору, а иногда и на взрослых наводили страх так называемые шайки. Самая знаменитая тогда была шайка Суркова. Сколько было пацанов в сурковской шайке никто точно не знал, да и самого Суркова мало кто видел. Для взрослых это были отъявленные хулиганы, по которым «тюрьма плачет». А для нас десяти летних мальчишек Сурков был местным Робин Гудом, жестоким и благородным. Ходили слухи, что он нападает только на плохих, жадин и кляузников, а хороших ребят не трогает. Не знаю, так это было или нет на самом деле, но мне посчастливилось один раз встретить самого Суркова. Дело было так: я катался на новеньком «школьнике», который мы купили накануне с мамой в спорттоварах в городе и как-то незаметно заехал на один из пустырей, что между бараками. Пустырь заканчивался грязным замусоренным тупиком, а слева и справа чернели доски барачных. «Надо утекать отсюда» - подумал я и, развернув велик, нажал на педали. В этот момент со стороны выхода с проклятого пустыря на меня надвигались какие-то неизвестные ребята. Их внешность не предвещала ничего хорошего. «Все прощай велик. Шайка

Суркова» - прошептал я себе под нос и притормозил, обреченно ожидая развязки. Четверо ребят в рубашках «на выпуск» с закатанными по плечи рукавами обступили меня со всех сторон. «Хороший велик, новенький» - прошипел один. «деньги гони» - зарычал другой. А третий уже готовился дать мне подзатыльник, как вдруг четвертый прикрикнул: Харэ, чего к пацану пристаи, он местный я его тут часто вижу. И уже обращаясь ко мне: Не бойсь, мы своих не трогаем. Давай дуй домой. Я онемев от волнения, налег на педали и тут же остановился, потому что у велосипеда соскочила цепь. Троица принялась смеяться, а четвертый, тот который меня защищал грозноскомандовал: «хорош ржать, валите отсюда». Потом он помог мне вернуть цепь на место и, когда я уселся на велик подтолкнул меня и воскликнул: Давай не падай. Я покрутил педали к выезду с пустыря, где за баракom прятался Вовка Чудаков. Я его заметил и остановился. Вовка восторженно затрещал: Ты знаешь, кто это был!? Это Сурков. Чего он тебе сделал, Димка?

- Да, ничего не сделал, велик помог починить – спокойно ответил я.

Суркову и ребятам из его шайки было, наверное, лет по 15, не больше. Потом, спустя несколько лет про них все забыли и сами они куда-то исчезли. Возможно, все-таки попали в колонию.

Были в нашем районе и другие хулиганы, которые донимали малышей, отнимали карманные деньги, избивали за непослушание. В первую очередь, это знаменитые тогда Киса, Саид и Матрос. Эти были настоящие отморозки. Их все боялись, а они старались напугать всюю. Прицепятся к какому-нибудь маменькину сынку и начнут везде поджидать – у магазина, на выходе из школы, после сеанса в клубе. Отнимут все деньги, да еще отмутузят. У меня был школьный приятель Валерка, так вот ему здорово от этой троицы доставалось. Никто не мог дать им отпор. Они были и старше нас и сильнее. Им, как и Сурковцам, было по 14-15 лет, и они уже жались с девками по подъездам, и пили портвейн из горла. Ко мне тоже поначалу приставали до одного случая. Как то в воскресный день я отправился с мамой в магазин. Идем мы по нашей улице, и вдруг появляется впереди Матрос. Я рефлекторно прижался поближе к маме. Так и идем навстречу друг дружке. А когда поравнялись, Матрос как-то изменился, изобразил улыбку на лице и заискивающе так пролепетал: Здравствуйте Валентина Александровна.

- Здравствуй, Саша – ответила мама. Матрос так зыркнул на меня, как буд-то запоминал и зашагал дальше.

- А ты почему его знаешь – спросил я у мамы, зная впрочем уже ответ.

- Да это Саша Андрианов, ходил ко мне в детский сад – ответила мама и добавила со вздохом: трудная у него семья, тяжело живут. После этой

знаменательной встречи меня вообще в нашем районе обходили стороной, считая чуть ли не личным приятелем Матроса.

Город Ногинск неофициально делится на районы:

- 1. Развилка – это место где основная городская магистраль пересекается с шоссе Москва-Горький (сейчас Нижегородское шоссе) въезд в город и прилегающая с обеих сторон от шоссе территория.*
- 2. Доможирово. Здесь располагался большой завод РТИ, заводской стадион.*
- 3. Истомкино – то место, где прошло мое детство и юность. Я жил здесь с 1973 года по 1991 год. Здесь находилась ткацкая фабрика (истомкинская фабрика), был фабричный клуб, стадион со своей футбольной командой и библиотека.*
- 4. Могэс – район, где находилось крупное предприятие московских электрических сетей. В могэсе был тоже свой клуб и небольшое футбольное поле. Была и своя футбольная команда. В этом районе были и ДОСы, так как рядом было несколько воинских частей.*
- 5. Город – центральная часть Ногинска между рекой Клязьма и вокзалом. В Ногинске был и есть сейчас единственный в Московской области областной драматический театр, известный тем, что в нем начинал свой творческий путь Юрий Никулин.*
- 6. Живые и мертвые – район города, где раньше, до революции было городское кладбище.*
- 7. Успенск – район города, в котором я жил с момента своего рождения в 1969 году до 1973 года*
- 8. Глухово – большой район, где находился знаменитый на всю Россию хлопчатобумажный комбинат им. В.И.Ленина, до революции называвшийся Богородско-Глуховской мануфактурой. Мануфактура была создана знаменитыми промышленниками Морозовыми. Глухово известно еще и первым в мире памятником Ленину и своими спортивными традициями. Здесь зарождался российский велосипедный трековый спорт и, конечно, футбол.*
- 9. Поселок Октября – район компактного проживания работников глуховского комбината. В советские времена, да и сейчас жуткое, не ухоженное место, куда лучше не забредать.*
- 10. Полигон – район на самой окраине города, где находился собственно военный полигон и несколько воинских частей. На полигон приезжали тренироваться курсанты московских военных училищ. Сейчас в этом районе - международный спасательный центр МЧС России.*

Еще были районы города, сохранившие свои названия от деревень, которые потом вошли в черту города: Торбеево, Панфиловка, Благовещение, Коверши, Кутузово и др. Кстати, все те предприятия, которые работали в городе в советское время, сохранились до сих пор и худо-бедно существуют.

Меня вообще часто выручали старые друзья или знакомые, которые помнили меня еще совсем маленьким. Когда мы только переехали в Истомкино из Успенска, и мне было чуть больше 4х лет, я подружился с соседским мальчиком, тоже кстати Вовой. Вовка Поляков был, наверное, лет на 5 старше меня. Он с матерью, отцом и младшей сестрой моей ровесницей жил за нашим домом ближе к стадиону. У них тоже был свой огород и сад, хотя дом, как и наш, был ведомственный. Мы дружили несколько лет до тех пор, когда Вовкин дом снесли, и они переехали в квартиру в самом первом новом доме в Истомкино. Вовка

Поляков был к тому времени в старшем классе школы, и играть со мной малышней ему было не интересно. Прошло лет пять, я учился в пятом или даже шестом классе. И вот как-то возвращаюсь я из школы домой, и дорогу мне преграждает известный хулиган Лебедев. Чем-то я ему не понравился и он принялся толкать меня и угрожать расправой, если не найду ему непременно тот час же рубль. Лебедев учился в 8 классе нашей же школы и был настоящей грозой для всех, кроме, пожалуй, старшеклассников. Я уже и не знал, как от него отделаться, как вдруг, откуда не возьмись, появился мой старый приятель Вовка Поляков, которому тогда уже было лет 16, и не просто напоял этому самому Лебедеву, а еще и пригрозил, чтоб тот ко мне близко не подходил. Я потом спустя много лет, когда уже отслужил армию, встретил случайно в магазине Лебедева и с трудом узнал его. Он-то меня точно не вспомнил. Стоял он какой-то грязный, нетрезвый у винного отдела и стрелял мелочь. Говорят, что сейчас его нет в живых.

У Вовки Полякова жизнь тоже не вполне сложилась. После армии он работал в милиции и, работа милицейская совсем довела его до ручки. Вовка опустил, стал пить. Что с ним сейчас я не знаю.

Детство в старом доме, как я уже говорил, было для меня, пожалуй, счастливым временем. Вообще, чтобы сейчас не говорили хулители советского периода в истории нашей страны, а я вспоминаю неспешное житье в атмосфере относительного комфорта и безопасности. Конечно, так устроена человеческая память, которая сохраняет в своих кладовках больше приятных и счастливых моментов, чем грустных и не приятных. Да и времена года тогда на рубеже 70-х и 80-х годов были ясными, хрестоматийными даже, словно списанными со страниц классических произведений. Осень, как у Пушкина «очей очарованье». Зима – «мороз и солнце день прелестный...». Весна – проталины, как и положено в марте, ручьи и запруды в апреле, первые грозы в мае. А лето – жаркое, сухое, с щебетанием стрижей, стрекотом кузнечиков, купанием на озерах или на «Ключке». Так все и было. Я вспоминаю, как весной мы начинали сооружать плоты, подбирали длинные шесты и каждые выходные отправлялись на многочисленные ручьи и речушки, которые набравшись талой воды неслись в Клязьму. Нашим любимым местом катания на плотах был Ключик. В летнее время Ключик был тоненьким ручейком, что отделял Могэс от Истомкино. А весной Ключик превращался в могучий поток. Сколько раз я падал в холодную воду потока и убегал домой сушиться и переодеваться, с тем, чтобы как можно скорее вернуться к ребятам на плот. Нам здорово помогало то, что родители были целыми днями на работе, и следить за нами было не кому. Мы прибегали из школы, бросали портфели и на улицу, где вытворяли такое, что родителям

лучше бы и не видеть. Однажды один мальчиков потерял равновесие и упал с плота в воду в месте, где бурный поток Ключика устремлялся в Клязьму. Его понесло, куртка намочла и тащила парнишку глубже и глубже. Не знаю, как я сообразил или наоборот не соображал, но успел ухватить его куртку и подтянуть на себя. Несколько рывков и я затащил мальчишку на плот, который уже вылетел почти в реку. Каким-то чудом, ухватившись за длинные кривые ветки прибрежных кустов, мы смогли причалить наше плавсредство. Катались еще и по «Девятке» - маленьком пруду на Кутузовском поселке, который весной превращался в глубокую огромную лужу. Как раз во время наших катаний по «Девятке», я и познакомился с кутузовскими ребятами – Женей Коник и Андрюхой Юрченко. С этими мальчишками я оказался в одном школьном классе.

Я помню, что весной отчаянно светило яркое солнце. Я замечал, как таял снег, обнажая землю с пробивающимися травами и цветами «мать и мачехи», как постепенно набухали почки и вылезали клейкие маленькие листочки. Уже в мае мы ходили за березовым соком и на ловлю майских жуков, которых долго хранили в спичечных коробках.

Лето почти всегда выдавалось жаркое, знойное. Если и начинал лить дождик, то чаще всего грибной, теплый. Иногда случались и ливни с грозами и молниями. Однажды я видел шаровую молнию, которая вихрем пронеслась мимо стекол нашей летней терраски. Купаться ходили на «Клюшку» - небольшое озерцо далеко за истомкинским стадионом в деревне Клюшниково. Идти надо было или через кукурузное поле или через смешанный лесок и огороды. «Клюшка» виднелась издали благодаря высоким ивам, клонящимся к воде. Вот с этих ив мы с Вовкой Чудаковым и ныряли. И нас не останавливало даже то, что кто-то из пацанов до нас свернул здесь шею, неудачно нырнув. Вовка любил собезьянничать во время купания.

- Дим, давай жопки делать, а? – загадочно улыбался Вовка.

- А это как, жопки делать? – спрашивал я.

- Да просто. Смотри – отвечал Вовка и нырял рыбкой в воду. Через некоторое время после того, как Вовка исчезал под водой, на поверхности появлялась голая и бледная Вовкина попа, покачивающаяся над водой, как рыбацкий поплавок. Девчонки, конечно, визжали. Вовка довольный выныривал и, поправляя плавки, кричал: давай Димка. Да с Вовкой было всегда весело, и я не припомню случая, чтоб мы с ним поругались. Как-то всегда находили общий язык. Володя Чудаков ушел из жизни несколько лет тому назад.

Еще ходили купаться на Озерки. Озерки были довольно далеко от Истомкино, на другом берегу Клязьмы. Мы переходили реку по шатким деревянным лавам – высокому мосту с быками для ломания льда во время ледохода. Потом шли по узкой тропинке через большое поле, в

котором колосилась Рожь. Мы срывали колоски, терли между ладонями и ели освободившиеся от шелухи зерна. Когда кончалось поле, начинались Озерки – несколько небольших прудов или озерков. Купались всегда на одном из них, самом большом. Там был хороший песчаный спуск к воде и совсем не илистое песчаное дно. На других водоемах мы частенько рыбачили. Уходили из дома рано утром, когда еще родители спали, прихватив несколько бутербродов и термос с чаем. Удивительно, что родители без опаски отпускали нас и на рыбалку и в лес за грибами, а ведь было нам по 8 – 10 лет. На рыбалке разведем костерок, устроимся поудобнее каждый на своем месте и удим, переговариваясь, делясь впечатлениями или мыслями. Ходили на рыбалку вдвоем или втроем. Ловили обычно ратанов. Потом засаливали и когда просолятся, сушили, развесив на веревочке. Однажды собрались за грибами с Максимом Фроловым. Вышли часа в 4 утра. Шли по темным улицам, гремя ведрами. А как подошли к лесу, поняли рано еще совсем, в лесу так темно, что не только грибы друг дружку то не увидишь. Так и сидели на перевернутых ведрах до 6 утра у самого леса, пока не просветлело.

Катание на велосипеде это особая страсть. Мы гоняли на великах и по городским тротуарам и по лесным дорожкам, подпрыгивая на пересекавших путь сосновых корнях. Я любил все свои велосипеды, которых у меня в разное время, конечно, было не мало. Сначала это маленький «Школьник», потом «Кама», «Спутник» и настоящий спортивный велосипед «Харьков». Как-то раз в наш старый дом приехал на велосипеде папин друг дядя Валера. Самое удивительное было то, что приехал дядя Валера на велосипеде из другого города, из Щелково. А это большой путь, его и на машине не так быстро проедешь. Валерий Ильич Ксендзов старинный папин друг, еще с того времени, когда папа и дядя Валера учились вместе в политехническом техникуме. Увидев меня во дворе, дядя Валера спросил: не хочешь на моем велосипеде прокатиться, пока я с твоим папой поговорю?

- еще бы! – ответил я и взялся за гнутый кольцом руль отличного спортивного велосипеда. Я проехал тогда все улицы и переулки в Истомкино. Накатался до боли в коленках. Так мне нравился этот велосипед. Тонкие, большушие колеса, несколько скоростей, узкое спортивное сиденье, педали со специальными душками для плотной посадки ступней, как стремяна. Когда я приехал обратно, дядя Валера и папа еще разговаривали и пили чай. Папа спросил: хороший велосипед?

- отличный – ответил я, с трудом переводя дыхание.

- Валерий Ильич, говорит, что может подарить Тебе такой же, только надо за ним съездить в Щелково. Ну как съездим?

Сказано, сделано. Уже на следующий день я на рабочем самосвале ехал в Щелково. Валерий Ильич работал, как и мой отец, инженером-строителем и занимал какую-то руководящую должность на большом строительном предприятии. Но кроме работы были у дяди Валеры и другие интересы. Многие годы Валерий Ильич возглавлял клуб любителей спорта и туризма. Дядя Валера со своими единомышленниками ходил под парусом, сплавался на байдарках, отправлялся в пешие и велосипедные походы. Как-то раз я случайно увидел дядю Валеру в телевизоре, в программе «Клуб кинопутешествий». Валерий Ильич беседовал с Юрием Сенкевичем и рассказывал о достижениях клуба, делился планами на будущее. Еще в начале 80-х я узнал от дяди Валеры о существовании виндсерфинга, виде спорта, который и сейчас кажется экзотическим. А дядя Валера и его ребята из клуба катались всюду на досках под парусом по Клязьменскому водохранилищу. И меня звали, только я как-то не сумел выбраться. Так вот взял я из Щелковского клуба велосипед и просто сиял от счастья. Велосипед был не новый, но добротный. Купить тогда настоящий спортивный велосипед было не просто, поэтому я был от души благодарен такому щедрому подарку.

В летнее время и не только, а вообще, когда позволяла погода, мы играли на улице в разные игры. Понятно, что на первых местах были футбол и настольный теннис. Про настольный теннис я ниже расскажу особо. Были и другие игры, в которые я начал играть, когда вместо деревянных бараков появились пятиэтажки и соответственно появились жильцы, среди которых было немало детей, новых учеников в нашей школе и новых товарищей по играм. Больше всего мне нравилась игра «От солдата до генерала» или игра в «Попа». Игра не сложная, но требующая от игроков наличия нескольких главных качеств: быстрота реакции, скорость и меткость. Я не буду здесь рассказывать правила игры, скажу лишь, что суть ее сводилась к продвижению игроков со своих разных позиций все ближе и ближе к цели. А цель стать генералом или попом, т.е. получить максимальное преимущество в игре. Затем шла известная всем игра в «Казачьи разбойники» и игра в прятки. Играли и в войну, как я говорил ранее и в индейцев, но взрослея, мы переставали в эти игры играть. А теперь про настольный теннис. В теннис я начал играть лет в 10, когда папа соорудил почти что настоящий теннисный стол из двух листов фанеры, опирающихся на деревянные козлы. Папа и стал моим первым и учителем и соперником в этой замечательной игре. С тех пор я полюбил теннис. Когда мы жили в старом доме, мы играли в теннис даже зимой, а летом буквально до полночи при свете лампочки. К настольному теннису пристрастились и все мои друзья. Мы по-настоящему заболели этой игрой. Устраивали турниры, играли пара на

пару. В школе на переменках сдвигали парты и резались до звонка. Отец всегда поддерживал меня в моих занятиях спортом. Помню, когда мы переехали в квартиру в 1983 году, то первым делом установили во дворе девятиэтажки новенький теннисный стол. Стол был не профессиональным, а сделанным на папиной работе из асбоцементных листов, чтобы лучше противостоять погодным условиям, но все размеры были соблюдены точно. В первый же вечер вокруг стола собралась внушительная толпа ребят из микрорайона, желающих поиграть. Мы как-то сразу сумели организовать очередь и наладить настоящие спортивные отношения. Через некоторое время образовался костяк из ребят, которые и следили за дисциплиной во время игры. Бывало, что подходили к нам хулиганы, пытались нам мешать, но долго они не задерживались, видя единодушие в наших спортивных рядах. А один из таких хулиганов благодаря настольному теннису перестал хулиганить и стал нашим постоянным участником.

К сожалению, с моим уходом в армию теннисный стол сохранить не сумели. Команда наша разбежалась, кто в армию, кто женился, кто переехал. Как говорится, нет ничего вечного.

Если говорить о зимних видах спорта и играх, то нельзя не упомянуть хоккей. В 1982 году на день рождения родители подарили мне настоящие хоккейные коньки «канадки». Красно-черные с белыми шнурками. А еще какой-то отцовский приятель, бывший хоккеист раздобыл для меня полный комплект формы, со шлемом, защитными щитками и т.п. Можете себе представить, какой производил фурор мой выход на лед. Самыми лучшими клюшками мы считали «Kohо», которые свободно продавались в спорттоварах. Каждый мальчишка умел самостоятельно довести клюшку «до ума». Надо было, обязательно держа носок или перо, как сейчас говорят, клюшки долго на паром подогнуть его посильнее, чтобы вышел характерный крючок. Потом носок туго обматывался черной тряпичной изолентой. А край ручки обматывался так, чтобы получился набалдашник, так и рука не съезжала, и вид у клюшки становился внушительным. Коньками, как я мог похвастаться не каждый, да и хорошей клюшкой тоже, поэтому на таких упакованных ребят смотрели с усмешкой. Иногда эти ухмылки и усмешки доводили до того, что я бежал домой и скидывал все свое снаряжение. Играли в основном в обычных зимних войлочных ботинках или вообще в валенках. Скользили на них, как на коньках. А вот площадку мы заливали сами, таская ведра с водой из ближайшего подъезда, из квартиры одного из наших игроков.

Когда в 1983 году по совершенно непонятной причине снесли наш старый дом и переселили нас в квартиру в новом девятиэтажном доме в том же родном Истомкино, я стал больше времени проводить в общем дворе. Появились новые друзья, но и старые никуда не делись.

Для различных игр были свои составы или команды. С кем-то здорово получалось играть в спортивные игры, и дружба заключалась именно в совместной игре или в футбол или в хоккей или в теннис. С кем-то, в основном общались, гуляли, обменивались впечатлениями.

А с Максимом Фроловым мы до 15 лет продолжали играть в солдатиков. То у него дома, а то у меня. Но игра наша не была слишком уж простецкой. Во-первых, мы выбирали известное историческое сражение и пытались воплотить его на полу в комнате, используя своих солдатиков. Во-вторых, мы сами мастерили свою армию. Поэтому у нас с Максимом получался вполне творческий подход к банальной игре. В то время купить солдатик, например, из эпохи римской империи было не возможно и мы делали солдатиков сами. Покупали обычных наших «русских богатырей» приклеивали бумажные перья, плащи, разукрашивали щиты и попоны у лошадей и покрывали лаком. Получалось здорово. Пробовали отливать фигурки из свинца. Строили укрепления, крепости с башнями, используя картон и бумагу. Таким образом, составляли противоборствующие армии, расставляли их друг против друга и передвигали в соответствии с исторической правдой. С Максимом мы давние друзья. Как говорят наши родители, мы и в яслях были вместе. А потом и в детском саду в одной группе и в школе десять лет в одном классе. Максим с раннего детства бредил армией, готовился стать офицером. И стал. Совсем недавно он вышел в отставку в звании полковника. А я был всегда его напарником в играх в солдатиков и в войну. Помню, как в морозный зимний день, мы с Максимом ползли через снежное поле вперед, на разведку. А сколько километров мы вдвоем пробежали на лыжах с фанерными автоматами за спиной. Сколько исходили тропинок в лесу, играя в партизан.

В 1976 году я пошел в школу. Школа находилась рядом с домом. Я помню первый день в школе. Почти все одноклассники мне были знакомы, по детскому саду или по улице. В первом классе я застал еще старомодные парты с откидывающимся верхом и неудобные скамейки. Но уже во второй класс я пошел в новое здание школы №3. И здание было новое и мебель современная. Мы долгое время так и звали школу «новой». Новая школа расположилась в новом микрорайоне и тоже не далеко от нашего дома. Школа – четырехэтажная с большим спортивным залом, актовым залом и спортивной площадкой во дворе. Мне повезло с учителями. Моя первая учительница Валентина Николаевна – замечательный добрый человек, которая была для нас словно мама в трудные первые школьные годы. Диана Афанасьевна Егорова – классный руководитель с 4 по 10 класс. Диана Афанасьевна преподавала историю так, что каждый урок превращался в занимательное путешествие в прошлое нашей родины и всего мира. В 9

классе я увлекся биологией и океанографией, мечтал о поступлении на биофак МГУ. Зачитывался книжками Пиккара, Уо, Кусто, наших отечественных исследователей глубин океана. Диана Афанасьевна собрала для меня десяток книжек по биологии, зоологии, океанографии и вообще, проявляла трепетное участие в моем увлечении. К сожалению, я так и не стал поступать на биофак, и таким образом обманул надежды моей учительницы. А книжки, подаренные Дианой Афанасьевной, хранятся у меня в целости и сохранности, прочитанные мной, они обязательно послужат и моим детям. Диана Афанасьевна совсем недавно ушла из жизни. На кладбище собрались родственники, друзья и несколько поколений благодарных учеников. Мы стояли у свежей могилы, опустив головы, ощущая себя такими маленькими и беспомощными перед неизбежностью, и в то же время одухотворенные примером жизни нашего учителя, примером всем нам. Помню отец мне говорил, что школьный предмет полюбят ученики тогда, когда увидят любовь к предмету, страсть к предмету со стороны учителя. Таких учителей, влюбленных и заражающих влюбленностью в свой предмет в школе №3 было не мало. Юрий Васильевич, преподаватель физики. Лидия Ивановна – алгебра и геометрия. Лидия Викторовна и Валентина Дмитриевна преподаватели русского языка и литературы учили нас читать вдумчиво, формировать собственный взгляд, свою позицию, подкрепленную каждодневным чтением классической литературы. Нина Васильевна и Александр Петрович – физическая культура. Наталия Семеновна – английский язык. Благодаря учительскому таланту, эрудиции Натальи Семеновны английский стал для многих из нас вторым родным языком. Наталья Семеновна учила нас, не бояться делать ошибки, запоминать свои огрехи и исправлять обязательно, постоянно совершенствоваться, работать со словарем. Пусть не все продолжили изучение иностранного языка, но те азы, которые в нас заложил учитель, останутся на всю жизнь.

Надо сказать, что школа была и для меня и для моих товарищей настоящим вторым домом. Кружки и секции работали в школе. Факультативы и внеклассные мероприятия. По вечерам мы приходили в школьный спортзал, чтобы играть в баскетбол, настольный теннис, поднимать гири. Двери были для нас открыты. Конечно, с нами обязательно должен был быть взрослый, но это и понятно, дети все-таки должны находиться под присмотром. С нами всегда ходил заниматься спортом мой папа, который и выступил инициатором таких занятий. Уже учась в институте, я продолжал посещать по вечерам школьный спортзал, да еще и увлек нескольких сокурсников. Сейчас мои дети ходят в школу, напичканную системами сигнализации и видеонаблюдением. На подступах детей встречают охранники в черных робах. Школьники проходят в школу только по пропускам, а родителей

и вовсе на порог не пускают. И стала школа больше походить на тюрьму, чем на храм наук. Мне кажется, что если школа перестает быть домом, она прекращает служить образованию, автоматически превращаясь в бесполезное заведение, в которое не хотят идти дети. Кто-то скажет, такие меры продиктованы требованиями антитеррористической безопасности и т.п. Возможно, но нельзя доводить до абсурда любые требования. Ведь всем ясно, что дети, идущие в школу совсем не похожи на террористов, и настоящий бандит вряд ли испугается престарелого охранника.

В 1983 году наш дом был определен под снос и нашей семье выделили отдельную квартиру в том же районе. Зачем снесли дом мне до сих пор не понятно, потому что даже через столько лет на этом месте ничего нет, только пустырь.

Вспоминаю последнее лето в старом доме. Я вернулся из трудового лагеря в пустой дом. Родители на работе. Лил дождь. Я захожу внутрь, и на меня обрушился звонкий барабанный бой всевозможных оттенков, то барабанили дождевые капли по расставленным по всему дому ведрам, тазам, крынкам. Дом словно плакал, прощаясь со своими жильцами и собственной жизнью на этом свете. Дом был всегда живым и счастливым, а теперь готовился к смерти. Мы не покидали дом до последнего дня, до тех пор, пока у забора не сгрудилась смертоносная техника. Дом сломали, безжалостно, быстро. Не осталось ничего, только место, поросшее бурьяном и наша память о старом доме.

Как я уже говорил, в нашем старом доме любили бывать самые разные люди и родные и друзья и просто знакомые. Дом притягивал, дружил, примирял. Мне нравилось, когда приезжали и гостили бабушки. У меня их две. И они разные. Мария Дмитриевна папина мама, бабушка Маруся, как я ее звал – навсегда осталась пылкой, самоотверженной комсомолкой, болеющая душой за Родину, партию, город, за детей. Мне нравился ее дом на улице Рабочей, с книгами, журналами, интересными беседами, густым чаем и чувством, что в этом доме рос мой отец. Ирина Ивановна мамина мама – бабушка Ира – простая и непростая, верующая в Бога так, как только и надо верить, безвозмездно. Я сначала пионер, а потом комсомолец, атеист по определению, верил вместе с бабушкой, верил в бабушкиного Бога, который для всех и для Ленина тоже. Бабушка рассказывала мне о святых и о своей жизни и в ее рассказах удивительно переплеталась и простота и святость, так что становилось понятно все вокруг. Нет уже давно ни моих любимых бабушек, ни старого нашего дома, ушло все далеко далеко за горизонты нашего бытия, но стоит только остановиться на мгновение, призадуматься и оживает прошлое, неразрывно связанное с настоящим и я уверен, отзовется оно и в будущем - добром, светом, любовью.

Совсем недавно я узнал, что в нашем старом доме после революции жил подростком будущий Патриарх Всея Руси Пимен (Извеков) и почему-то не удивился, как будто я всегда что-то такое знал о нашем старом доме.

Ногинск. 2012